

Соловьев Владимир Сергеевич

Русская идея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Русская идея / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 54 с.

ISBN 978-5-519-74698-4

ISBN 978-5-519-74698-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

самымъ важнымъ изъ всѣхъ для русскаго, да и внѣ Россіи онъ не можетъ показаться лишеннымъ интереса для всякаго серьезно мыслящаго человека. Я имѣю въ виду вопросъ о смыслѣ существованія Россіи во всемирной исторіи.

Когда видишь, какъ эта огромная имперія съ болѣвшимъ или менѣшимъ блескомъ въ теченіе двухъ вѣковъ выступала на міровой сценѣ, когда видишь, какъ она по многимъ второстепеннымъ вопросамъ приняла европейскую цивилизацію, упорно отбрасывая ее по другимъ болѣе важнымъ, сохраняя такимъ образомъ оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тѣмъ не менѣе своеобразнаго величія,—когда видишь этотъ великій историческій фактъ, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую онъ скрываетъ за собою или открываетъ намъ; каковъ идеальный принципъ, оушевляющій это огромное тѣло, какое новое слово этотъ новый народъ скажетъ человечеству; что желаетъ онъ сдѣлать въ исторіи міра? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы не обратимся къ общественному мнѣнію сегодняшняго дня, что поставило бы насъ въ опасность быть разочарованными событіями послѣдующаго дня. Мы поищемъ отвѣта въ вѣчныхъ истинахъ религіи. Ибо идея націи есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности.

Разъ мы признаемъ существенное и реальное единство человѣческаго рода,—а признать его приходится, ибо это естъ религіозная истина, оправданная раціональной философіей и подтвержденная точной наукой,—разъ мы признаемъ это субстанціональное единство, мы должны разсматривать человѣчество въ его цѣломъ, какъ великое собирательное существо или соціальный организмъ, живые члены котораго представляютъ различныя націи. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что ни одинъ народъ не можетъ жить въ себѣ, чрезъ себя и для себя, но жизнь каждаго народа представляетъ лишь опредѣленное участіе въ общей жизни человѣчества. Органическая функція, которая возложена на ту или другую націю въ этой вселенской жизни,—вотъ ея истинная національная идея, предвѣчно установленная въ планѣ Бога.

Но если человѣчество и дѣйствительно представляетъ нѣкоторый большой организмъ, то не слѣдуетъ забывать, однако, что мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ организмомъ чисто физическимъ, и слѣдуетъ помнить, что члены и элементы, изъ коихъ онъ состоитъ—націи и индивиды—суть существа моральные. А коренное условіе моральнаго существа лежитъ въ томъ, что особая функція, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, ко-

торою опредѣляется его существованіе въ мысли Бога, никогда не выступаетъ въ качествѣ матеріальной необходимости, но только въ формѣ моральнаго обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловнымъ рокомъ для вещей, для существа моральнаго только долгъ. Но, хотя и очевидно, что долгъ можетъ быть выполненъ или не выполненъ, можетъ быть выполненъ хорошо или дурно, можетъ быть принятъ или отвергнутъ, невозможно, съ другой стороны, допустить, чтобы эта свобода могла измѣнить провиденціальный планъ или лишить моральный законъ его дѣйственности. Моральное воздѣйствіе Бога не можетъ быть менѣе могущественнымъ, чѣмъ его физическое воздѣйствіе. Поэтому слѣдуетъ признать, что въ мірѣ моральномъ есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призваніе, или та особая идея, которую мысль Бога полагаетъ для каждаго моральнаго существа — индивида или націи — и которая открывается сознанію этого существа, какъ его верховный долгъ, — эта идея дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ какъ реальная мощь, она опредѣляетъ во всѣхъ случаяхъ бытіе моральнаго существа, но дѣлаетъ она это двумя противоположными способами: она проявляется, какъ законъ жизни, когда долгъ выполненъ, и какъ законъ смерти, когда это не имѣло мѣста. Моральное существо никогда не можетъ освободиться отъ

власти божественной идеи, являющейся смысломъ его бытія, но отъ него самого зависитъ носитъ ее въ сердцѣ своемъ и въ судьбахъ своихъ какъ благословеніе или какъ проклятіе.

Только что сказанное мною есть общее мѣсто или должно было бы быть таковымъ для всякаго—я не скажу христіанина—но хотя бы монотеиста. И дѣйствительно, противъ этихъ мыслей не находятъ никакихъ возраженій, когда онѣ предлагаются въ общихъ формахъ; протесѣ обычно бываетъ направленъ противъ примѣненія ихъ къ національному вопросу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ общее мѣсто внезапно превращается въ мистическую мечту, и аксіома становится субъективной фантазіей. «Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо націи, кто можетъ говорить народу о его долгѣ? Проявлять свою мощь, преслѣдовать свой національный интересъ, вотъ все, что надлежитъ дѣлать народу, и долгъ патриота сводится къ тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей въ этой національной политикѣ, не навязывая ей своихъ субъективныхъ идей. А для того, чтобы узнать истинные интересы націи и ея дѣйствительную историческую миссію, есть только одно вѣрное средство, это—спросить у самого народа, что онъ объ этомъ думаетъ, призвать на совѣтъ общественное мнѣніе?» Однако, есть нѣчто странное въ этомъ, видимому, столь здравомъ сужденіи.

Это эмпирическое средство узнать истину рѣшительно непримѣнимо тамъ, гдѣ мнѣніе націи гробится, что имѣетъ мѣсто почти всегда. Какое изъ общественныхъ мнѣній Франціи есть истинное: мнѣніе католиковъ или мнѣніе франъ-масоновъ? И разъ я русскій, какому изъ національныхъ мнѣній долженъ я пожертвовать моими субъективными идеями: мнѣнію официальной и офиціозной Россіи, Россіи настоящаго или тому мнѣнію, которое исповѣдуютъ нѣскольکو милліоновъ нашихъ старовѣровъ, этихъ истинныхъ представителей традиціонной Россіи, Россіи прошлаго, для которыхъ наша церковъ и наше государство въ ихъ настоящемъ видѣ суть царство Антихриста; а то, можетъ быть, не обратится ли намъ еще и къ нигилистамъ: вѣдъ они, быть можетъ, являютъ собой будущее Россіи.

II.

Мнѣ незачѣмъ настаивать на этихъ трудностяхъ, разъ исторія даетъ въ подтвержденіе моего положенія доказательство прямое и общеизвѣстное. Если въ философіи исторіи вообще есть твердо установленныя истины, то таковою слѣдуетъ считать то положеніе, что конечное призваніе еврейскаго народа, истинный смыслъ его существованія существенно связанъ съ мессіанскою идеей, то-есть съ идеей христіанскою. Однако, не похоже на то, чтобы общественное

мнѣніе и національное чувство евреевъ было особенно благорасположено къ христіанству. Я не хочу обращаться съ избитыми упреками къ этому единственному въ своемъ родѣ и таинственному народу, которъй въ концѣ-концовъ вѣдѣ естѣ народъ пророковъ и апостоловъ, народъ Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы. Этотъ народъ еще живъ и по словамъ Новаго Завета его ожидаетъ полное возрожденіе и обновленіе: «Всѣ Израиль спасется» (Рим., XI, 26). И я считаю нужнымъ сказать, хотя и не могу доказать згѣбъ правоты своего утвержденія ¹⁾:—«ожесточеніе» евреевъ не естѣ единственная причина ихъ враждебнаго положенія по отношенію къ христіанству. Въ Россіи въ особенности, гдѣ никогда не дѣлали попытки приложитъ къ евреямъ начала христіанства, осмѣлимся ли мы потребовать отъ нихъ, чтобы они были болѣе христіанами, чѣмъ мы сами? Я хотѣлъ только напомнитъ тотъ замѣчательный историческій фактъ, что народъ, предназначенный даровать міру христіанство, выполнилъ эту миссію лишь противъ воли своей, что въ громадномъ болѣшинствѣ своемъ и въ теченіе восемнадцати вѣковъ онъ упорно отплеваетъ божественную идею, которую онъ носилъ въ лонѣ своемъ и которая была истиннымъ смысломъ его суще-

¹⁾ Я пытался сдѣлать это въ двухъ этюдахъ по еврейскому вопросу, изъ которыхъ одинъ былъ подвергнутъ разбору въ «Revue française», сентябрь и октябрь 1886.

ствованія. Посему не можетъ уже считаться дозволеннымъ теперь говорить, что общественное мнѣніе націи всегда право и что народъ никогда не можетъ заблуждаться въ своемъ истинномъ призваніи или отвергать его.

Но, бытъ можетъ, этотъ приведенный мною историческій фактъ самъ представляетъ лишь религіозный предрасудокъ, и роковая связь, предполагаемая между судьбами израильскаго народа и христіанствомъ — лишь субъективная фантазія? Я могу привести, однако, чрезвычайно простое доказательство, ярко освѣщающее реальный и объективный характеръ приведеннаго нами факта.

Если взять нашу христіанскую Библію, собраніе книгъ, начинающееся книгой Бытія и кончающееся Апокалипсисомъ, и разобравъ ее помимо какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, какъ простой историческій и литературный памятникъ, то мы принуждены будемъ признатъ, что передъ нами произведеніе законченное и гармоничное: созданіе неба и земли и паденіе человечества въ лицѣ перваго Адама—въ началѣ, возстановленіе человечества въ лицѣ второго Адама, или Христа,—въ центрѣ, и въ концѣ—апокалиптичeskій апоѳеозъ, созданіе неба новаго и земли новой «въ нихъ же правда живетъ», откровеніе преображеннаго и прославленнаго міра, Новаго Іерусалима, нисходящаго съ небесъ, скинии, гдѣ Богъ съ людьми обитаетъ (Апок. XXI).

Конецъ произведенія связанъ згѣсѣ съ началомъ, созданіе міра фізическаго и исторія человѣчества объяснены и оправданы откровеніемъ міра духовнаго, представляющаго совершенное единеніе человѣчества съ Богомъ. Дѣло завершено, кругъ замкнулся, и даже съ чисто эстетической точки зрѣнія ощущается удовлетвореніе. Посмотримъ теперь, какъ заканчивается Библія евреевъ. Последняя книга этой Библіи есть «Дибрэ—га—ямимъ», книга Паралипоменонъ, и вотъ заключеніе послѣдней главы этой книги: «Такъ говоритъ Киръ, царь Персидскій: «Всѣ царства земли далъ мнѣ Ягве, Богъ небесный; и Онъ повелѣлъ мнѣ построить ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ—изъ всего народа Его? Да будетъ Ягве, Богъ его, съ нимъ и пусть онъ туда идетъ!» Между этимъ заключеніемъ и заключеніемъ христіанской Библіи, между словами Христа во славу Его: «Я Альфа и Омега, начало и конецъ; я даю жаждущему отъ источника воды живой даромъ; побѣдившій унаслѣдуетъ все, и Я буду его Богомъ и онъ будетъ Мнѣ сыномъ», между этими словами и словами царя персидскаго, между этимъ домомъ, который надлежитъ воздвигнуть во Іерусалимѣ іудейскомъ, и жилищемъ Бога и съ Нимъ людей въ новомъ Іерусалимѣ, сходящемъ съ небесъ, контрастъ воистину поразительный. Съ точки зрѣнія евреевъ, отвергающихъ великую универсальную развязку своей національной исторіи,

открытую въ Новомъ Завѣтѣ, пришлось бы признать, что сотвореніе неба и земли, призваніе, возложенное на патріарховъ, миссія Моисея, чуда Исхода, откровеніе на Синаѣ, подвиги и гимны Давида, мудрость Соломона, вдохновеніе пророковъ—что всѣ эти чудеса и вся эта святая слава привели въ концѣ-концовъ лишь къ манифесту языческаго царя, повелѣвающаго горсткѣ евреевъ построить второй Іерусалимскій храмъ, тотъ храмъ, бѣдность котораго по сравненію съ великолѣпнѣмъ перваго вызвала слезы у старцевъ Іудеи и который впослѣдствіи былъ расширенъ и украшенъ Идумейцемъ Иродомъ лишь для того, чтобы бытъ окончательно разрушеннымъ солдатами Тита. Итакъ, не субъективныи предразсудокъ христіанина, а памятникъ національной мысли самихъ евреевъ ясно доказываетъ, что внѣ христіанства историческое дѣло Израиля потерпѣло крушеніе и что, слѣдовательно, народъ можетъ при случаѣ не понять своего призванія.

III.

Я не отклонился отъ своего предмета, говоря о Библии евреевъ. Ибо въ этой прерванной Библии, въ этомъ контрастѣ величественнаго начала и жалкаго конца есть нѣчто, напоминающее мнѣ судьбы Россіи, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительно націоналистической, господствующей у насъ въ данное время

и соединяющей въ молчаливомъ согласіи Каіафъ и Иродовъ нашей бюрократіи съ зилотами воинствующаго панславизма.

Дѣйствительно, когда я думаю о пророческихъ лучахъ великаго будущаго, озарявшихъ первыя шаги нашей исторіи, когда я вспоминаю о благородномъ и мудромъ актѣ національнаго самоотреченія, создавшемъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ русское государство въ дни, когда наши предки, видя недостаточность туземныхъ элементовъ для организаціи общественнаго порядка, по своей доброй волѣ и по зрѣломъ размышленіи призвали къ власти скандинавскихъ князей, сказавъ имъ достопамятныя слова: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и властвоватьъ нами». А послѣ столѣ оригинальнаго установленія матеріальнаго порядка не менѣе замѣчательное водвореніе христіанства и великолѣпный образъ Святого Владиміра, усерднаго и фанатическаго поклонника иголовъ, который, почувствовавъ неудовлетворительность язычества и испытывая внутреннюю потребность въ истинной религіи, долго размышлялъ и совѣщался, прежде чѣмъ принять эту послѣднюю, но, ставъ христіаниномъ, пожелалъ быть имъ на самомъ дѣлѣ и не только отдался дѣламъ милосердія, ухаживая за больными и бѣдными, но проявилъ большее проникновеніе евангельскимъ духомъ, чѣмъ крестившіе его греческіе епископы; ибо этимъ епископамъ